

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Б. И. БОГОМОЛОВ

БОРЬБА В. Г. БЕЛИНСКОГО ЗА НАУЧНОЕ СОБИРАНИЕ И ИЗДАНИЕ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Тридцатые — сороковые годы XIX в. являются значительным периодом в истории собирания и издания народной поэзии в России. Русская фольклористика может с полным правом гордиться большим количеством материалов по народной поэзии, собранных и изданных в нашей стране уже в этот период. Она и в этом отношении уже тогда не уступала фольклористике любой из западноевропейских стран.

Собирание и издание народной поэзии в России 30—40-х годов XIX в. были тесно связаны с общественно-политической и идейной борьбой в русском обществе и развивались в борьбе против вредных фальсификаторских тенденций, проявившихся в работе отдельных собирателей и издателей народной поэзии под влиянием господствующей самодержавно-крепостнической идеологии.

Лозунг «народности», провозглашавшийся представителями самых различных идеологических направлений, в конкретной трактовке получал самое различное идейное наполнение. Это непосредственно отражалось и на собирательской деятельности. Общая для всех направлений в фольклористике данного периода установка на показ «подлинной народности» в действительности также приобретала в различных случаях самый противоположный смысл.

Совершенно ошибочным является характерный для некоторых либерально-буржуазных историографов отрыв собирательской работы от «исследовательской». В их освещении собирание фольклора предстает как простое техническое фиксирование фактов, предшествующее изучению, или, если и проводимое одновременно с последним, то — параллельно, независимо. В частности такого взгляда придерживался проф. М. Сперанский¹.

Собирание и издание народной поэзии никогда не были только технической работой, результаты которой определялись стихийно, как и вся фольклористика, они всегда являлись одним из участков общественно-политической борьбы в стране, и в них (в большей или меньшей степени) проявлялись тенденции, характерные для тогдашних общественно-политических направлений.

В дореволюционной фольклористике существовало мнение (не всегда высказываемое), что начало собирания народной поэзии в России и основные успехи в развитии его связаны с идеями славянофильства; причем обычно имелась в виду прежде всего деятельность П. В. Кире-

¹ М. Сперанский, Русская устная словесность, М., 1917, стр. 17.

евского. Против этого утверждения выступил еще А. Н. Пыпин в своей «Истории русской этнографии». Однако у него критика славянофильства была связана с попыткой возвеличить роль идей, выработанных на Западе и «заимствованных» оттуда Россией. Пыпин сделал и другую ошибку. Он справедливо указал на некоторые факты влияния политики «официальной народности» на собирание и издание народной поэзии. Но, преувеличив значение этого влияния, он охарактеризовал развитие собирания и издания народной поэзии в России во вторую четверть XIX в. как проходящее под знаменем «официальной народности». Он писал: «В развитии изучения русской народности этнографы второй четверти столетия, при всей разнице личных дарований и объема сведений, составляют одну группу с известными общими чертами». Эти «общие черты» Пыпин определяет как «отпечатки времени, той официальной народности, которая заявлена была в правительственной программе»².

Характеризуя развитие собирания и издания народной поэзии в России в рассматриваемый период как Пыпин, так и другие либерально-буржуазные историографы замалчивали ту роль, которую сыграл в этом деле В. Г. Белинский.

Собирание и издание народной поэзии в России в 30—40-х годах XIX г. развивались в весьма неблагоприятных политических условиях. Гнет николаевской реакции, царивший в стране, сильно сказывался и в фольклористике. Народность, провозглашенная в качестве одного из принципов царской политики и самодержавно-крепостнической идеологии, была насквозь лживым, демагогическим лозунгом. Поэтому совершенно неправильно связывать развитие собирания и издания народной поэзии в России в этот период с официальной политикой. Наоборот, реакционная официальная политика чрезвычайно сковывала это развитие. Действительный интерес к народу и к подлинной народной поэзии был в корне чужд правящим кругам. Чем шире развивалась, начиная с 30—40-х годов XIX в., деятельность по собиранию и изданию народной поэзии и чем резче обнаруживалось при этом явное несоответствие содержания подлинного народного творчества принципам самодержавно-крепостнической идеологии, тем решительнее ограничивало эту деятельность царское правительство.

Не следует преувеличивать и значение славянофилов в развитии собирания и издания народной поэзии. Славянофильские «народолюбие» и патриотизм, вызвавшие собирательскую деятельность П. В. Киреевского, быстро обнаружили свою ограниченность и приобрели реакционный характер. Тот большой энтузиазм, с которым П. В. Киреевский принялся за собирание песен, со временем значительно охладел. В известном издании «Песни, собранные П. В. Киреевским», песен, записанных лично Киреевским, в действительности очень мало. Оно в основном составлено из записей, сделанных другими собирателями. Более значительной была деятельность П. В. Киреевского по подготовке издания; но и ее не следует преувеличивать. В его распоряжении, благодаря собирательской деятельности Н. М. Языкова, Пушкина, Гоголя, Кольцова, Даля и многих других современников, очень скоро сосредоточился большой материал. Еще в 1833 г. П. В. Киреевский собирался издать «4 больших тома» песен. Однако это намерение им не было выполнено. В 1838 г. он вполне подготовил к опубликованию около 800 свадебных песен. Это было бы уже не четыре тома, а один — правда, весьма «большой». Однако и ему не было суждено появиться. Лишь в 1848 г. Киреевский издал свой первый (оказавшийся и последним) сборник, содержащий всего лишь 55 «духовных стихов». Этим да еще опубликованием 16 песен (в периодической печати) и ограничилась

² А. Н. Пыпин, История русской этнографии, т. I, СПб., 1890, стр. 314.

вся издательская работа П. В. Киреевского за 25 лет (с начала его собирательской деятельности).

В историографии фольклористики неоднократно отмечалась «медлительность» Киреевского. Но следует говорить не только о медлительности, но и о постепенном ограничении им своих издательских намерений. Большее значение здесь имели политические условия, гнет николаевской реакции, в частности, цензурные притеснения. Но вряд ли это играло решающую роль. Подавляющую массу имевшихся у Киреевского материалов можно было издать и в тогдашних условиях. Подобные материалы в большом количестве появились и в периодических, и в отдельных изданиях. Издание духовных стихов встречало наибольшие препятствия: духовная цензура относилась к такого рода произведениям особенно подозрительно. И тем не менее Киреевский, проявив в данном случае очень большую настойчивость, издал именно их.

Характерна также история с несостоявшимся изданием свадебных песен, подготовленных Киреевским к опубликованию еще в 1838 г. Кто же был виноват в том, что они были изданы только через 73 года (первый выпуск новой серии «Песен, собранных Киреевским», 1911)? Отнюдь не николаевская цензура. Сборник получил цензурное разрешение, о чем свидетельствует пометка на сохранившейся рукописи. Очевидно, Киреевский сам отказался от издания. Постепенно он сам становился все более строгим цензором присылаемых ему для издания материалов.

Все лучшие достижения собирательской работы в 30—40-е годы (включая и «Собрание П. В. Киреевского») были поистине общественным делом. Они стали возможны прежде всего благодаря богатству русского народного творчества и широкому общественному интересу к народу, интересу, возросшему под воздействием подлинно патриотических и демократических идей, пропагандируемых литературой Пушкина и Гоголя и критикой В. Г. Белинского.

Высказывания по теории собирания и издания народной поэзии, а также об отдельных фольклорных изданиях занимают в литературном наследии Белинского значительное место. Он приветствовал каждое новое достижение в собирательской деятельности и постоянно призывал всемерно расширять и активизировать ее. Еще в 1835 г. в одной из своих рецензий Белинский дал очень одобрительный отзыв о собирательской работе и этнографических исследованиях, проводимых в районе нижней Волги И. Нефедьевым. Поблагодарив Нефедьева за его труды, Белинский писал: «Дай бог, чтобы он как можно более нашел себе подражателей»³. Не ограничиваясь этим пожеланием, Белинский приводит затем выдержку из рассказа Нефедьева о собирательской работе, в котором последняя изображена как подвиг. На страницах своих статей Белинский неоднократно благодарил собирателей и прославлял их труд: «Какой благодарности,— писал он,— заслуживают те скромные, бескорыстные труженики, которые с неослабным постоянством, с величайшими трудами и пожертвованиями собирают драгоценности народной поэзии и спасают их от гибели забвения»⁴.

Белинский призывал все более и более расширять круг собирателей. Он указывал, что поле для их деятельности имеется очень широкое и на нем достаточно работы для многих. Так, в 1841 г. Белинский писал: «Несмотря на усердные труды г-на Сахарова в собирании русских народных песен, еще много остается и для других собирателей. Число

³ Том II, стр. 69. Все цитаты из статей и рецензий Белинского приведены в нашей статье из полного собрания сочинений В. Г. Белинского, под ред. Венгера.— Б. Б.

⁴ Том III, стр. 448.

народных песен должно быть весьма велико, а вариантов к ним и конца нет: одна и та же песня там поется так, а здесь иначе»⁵.

Призывы Белинского всемерно расширять собирательскую деятельность основывались на его знании русского народного творчества и глубокой уверенности в исключительном богатстве последнего. Он отмечал «обильную творческую производительность, которую одарена наша народная фантазия». «Наша народная непосредственная поэзия,— писал он,— не уступит в богатстве ни одному народу в мире и только ждет трудолюбивых деятелей, которые собрали бы ее сокровища, таящиеся в памяти народа»⁶.

Призывы Белинского к развертыванию собирательской деятельности в большинстве случаев находятся в его статьях рядом с резко отрицательными отзывами о всяческих попытках подражательного, псевдонародного творчества. Белинский противопоставлял псевдонародному стилизаторству, как деятельности ложной и вредной, собрание подлинной народной поэзии как весьма полезное и нужное общественное дело.

Борясь за всемерное развитие собирания фольклора, Белинский особенно подчеркивал необходимость его публикации. Уже в ранних своих рецензиях он постоянно затрагивает этот вопрос, а с конца 30-х годов уделяет ему особенно большое внимание. Это было вызвано тем, что к концу 30-х годов был уже собран значительный материал о народной поэзии и, чем дальше, тем больше обнаруживался разрыв между собирательской и издательской практикой: издание народных произведений значительно отставало от успехов развернувшегося собирания.

В рецензиях на сахаровские издания В. Г. Белинский отмечал, что Сахаров на деле выполняет свою (опубликованную им в 1841 г.) программу по собиранию и, что особенно подчеркивал критик, изданию народной поэзии. В рецензии на I том «Сказаний русского народа» Белинский писал: «Многие, в недоверчивости покачивая головою, говорили об этой программе, как обыкновенно говорится о великодушных «программах», к которым приучили уже наши книжные спекулянты доверчивую публику. Но каково же должно быть удивление этих неверовавших теперь, когда г. Сахаров, вслед за программой, действительно издал первый том своих «Сказаний». Том огромный, состоящий из 568 страниц большого формата, напечатанных в два столбца таким убористым шрифтом, что они смело могут быть приняты за 1136 страниц обыкновенной печати, и вмещающий в себе сведения в высшей степени интересные»⁷.

Белинский постоянно «подталкивал» Сахарова в его работе. И в данной рецензии, поблагодарив автора за издание I тома «Сказаний», он в то же время подчеркивал, что это только первый том. При этом Белинский снова напоминал обо всей объявленной Сахаровым программе и выражал надежду, «что г. Сахаров выполнит в точности всю свою программу и подарит русскую публику таким изданием, какого еще не имела она и какого тщетно стала бы ожидать от деятельности других любителей старины». «Душевно желаем,— заключает Белинский,— скорейшего окончания этому прекрасному предприятию»⁸.

В этих высказываниях обращает на себя внимание противопоставление Сахарова другим деятелям, имен которых Белинский не называет. Белинский противопоставляет Сахарову «книжных спекулянтов», которые приучили «доверчивую публику» не верить в «великолепные программы». С. А. Венгеров высказал предположение, что Белинский

⁵ Том VI, стр. 353.

⁶ Том V, стр. 130—131.

⁷ Том VI, стр. 202—203.

⁸ Там же.

здесь намекает на затеянное тогда Ф. В. Булгариным огромное сочинение «Россия». Приведенные Венгеровым факты позволяют считать справедливость этого предположения вполне вероятной. Однако данное объяснение нам кажется неполным. Критика многообещающих, но не выполняющих своих обещаний деятелей могла относиться не только к одному Булгарину, а имела более широкое значение. Белинский явно противопоставлял Сахарова также славянофилам, от которых «русская публика» еще в начале 30 гг. тщетно ожидала обещанного издания русских песен. Именно их и, в частности, П. В. Киреевского подразумевал Белинский, говоря о «других любителях старины», от которых «тщетно было бы ожидать такого издания».

В 1843 г. Белинский снова возвращается к вопросу о «собрании Киреевского». В рецензии на роман Егора Классена «Провинциальная жизнь» он едко иронизирует по поводу ограниченности литературной деятельности «московских писателей». «Если бы они писали,— говорит Белинский,— их, может быть, читали бы и, вероятно, нашли бы на Руси люди, которые даже и хвалили бы их. Вот, например, г. Киреевский: он уже десять лет (так говорят московские слухи) собирается издать богатое собрание русских народных песен. Может быть, он и не успеет издать их при жизни своей — что-ж? — они издадутся после его смерти и если не мы, то наши дети будут читать их»⁹. Вслед за этим в том же тоне Белинский вышучивает Погодина, Шевырева, Языкова и Хомякова за то, что они тоже больше обещают, чем делают, — «между тем, друзья о них пишут и еще больше говорят». Киреевский так и не издал сосредоточившихся у него материалов. С большими трудностями издание состоялось лишь в 60—70-х годах, причем и тогда, в издании Бессонова, было опубликовано далеко не все собрание. Три части «Новой серии» «Песен, собранных П. В. Киреевским» вышли лишь в 1911—1929 гг.

Большую роль в деле собрания и издания народной поэзии играли не только соответствующие высказывания Белинского, но и вся та весьма значительная работа по рецензированию фольклорных изданий, которую он проводил на протяжении всей своей деятельности. Белинский внимательно следил за изданиями народной поэзии и немедленно откликался на выход каждого нового более или менее значительного сборника. Рецензирование фольклорных изданий составляло значительную часть всей его литературно-критической деятельности. Появившийся в 1804 г. и переизданный в 1818 г. замечательный сборник Кириши Данилова был впервые раскрыт перед русским обществом и по достоинству оценен в печати именно Белинским. В 1839 г. в рецензии на сборник Суханова он писал: «Доселе только в статье «Отечественных записок» 1839 г. IV т. о «Песнях русского народа, изд. И. Сахаровым»¹⁰, было говорено несколько подробно о сокровищах народной поэзии, заключающихся в книге Кириши Данилова, и больше решительно нигде но и в указанной статье «Отечественных записок» главный предмет — народная русская поэзия, а сборник, приписываемый Кирише Данилову, в ней предмет, подчиненный главному, эпизодический. Между тем эта книга драгоценная, истинная сокровищница величайших богатств народной поэзии, которая должна быть коротко знакома всякому русскому человеку, если поэзия не чужда душе его и если все родственное русскому духу сильнее заставляет биться его сердце. Посему «Отечественные записки» предполагают воспользоваться изданною г. Сухановым книжкою, чтобы когда-нибудь посвятить особую статью сборнику Кириши Данилова, а вместе с ним и изданной

⁹ Том VIII, стр. 294.

¹⁰ Белинский имеет в виду статью М. Н. Каткова, напечатанную без подписи.

г. Сухановым книжке, как дополнению к «Древним российским стихотворениям», носящим на себе имя сибирского казака»¹¹.

Наименование сборника Кирши Данилова первым вошло в заглавие четырех специальных статей Белинского о народной поэзии. На материалах сборника целиком построен весь разбор былин и отчасти разбор произведений других народно-поэтических жанров в этих статьях.

Большое внимание уделял Белинский собирательской и издательской деятельности И. П. Сахарова. «Сказания» последнего также явились одним из основных источников упомянутых статей Белинского о народной поэзии, и наименования их, после наименований сборника Кирши Данилова и Суханова, также вошли в заглавие этих статей. Ранее, сразу же после выхода «Сказаний русского народа» и «Русских народных сказок», Белинский посвятил им отдельные небольшие рецензии и сообщения. Той славой, которой Сахаров пользовался в 30—40-х годах, он в значительной мере был обязан Белинскому. Эту славу великий критик¹² создавал ему как с целью поддержания и развития его деятельности, так и для общего расширения собирательской и издательской деятельности в России.

Специальные рецензии Белинский посвятил также сборникам «Русские народные сказки» Богдана Броницына, «Древние русские стихотворения, служащие дополнением к Кирше Данилову» М. Суханова, «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний» Ф. Студитского и др. Сборник М. Суханова был отмечен также в обзоре «Русская литература в 1840 г.» и в статьях о народной поэзии.

Белинский не только отмечал каждое более или менее значительное новое издание по народной поэзии при его появлении. Иногда он заранее возвещал об изданиях, еще не появившихся, подготавливая, таким образом, интерес к ним в обществе и подбадривая издателей. Так поступал он, например, в отношении изданий Сахарова этнографических статей о Китае и китайцах Иакинфа (Бичурина) и в ряде других случаев. В 1839 г., когда подготавливался выход IV выпуска «Русские простонародные праздники и обряды» И. М. Снегирева, Белинский сообщил об этом в заметке «Литературные новости». Книга еще печаталась, а Белинский отметил ее в числе наиболее интересных литературных новинок¹².

Белинский не был единственным рецензентом фольклорных изданий в России того времени. Не он один выступал тогда за широкое развитие собирания и издания фольклора. Однако в литературной критике никто из его современников не уделял этому столько внимания, как Белинский. Он был наиболее активным, самым выдающимся и решительным борцом за развитие собирательской деятельности. Широкий размах этой деятельности, размах, которым по праву может гордиться русская фольклористика и который наметился в 30—40-е годы XIX в., определился в немалой степени под влиянием В. Г. Белинского.

Выступления Белинского по вопросам собирания и издания народной поэзии были направлены не только на общее расширение этой деятельности, но и на преодоление в ней вредных фальсификаторских тенденций, возникших под влиянием реакционной самодержавно-крепостнической идеологии. Искажение народной поэзии, широко распространенное в издательской практике до 30—40-х годов XIX в., продолжалось и в эту эпоху. Произведения народной поэзии публиковались иногда попрежнему без достаточной точности. Причем это объясняется не только ограниченностью опыта собирательской работы и недостаточным

¹¹ Том V, стр. 433—434.

¹² Белинский уделял значительное внимание изданиям, посвященным народному творчеству не только русского, но и других народов, в том числе и зарубежных.

уровнем развития принципов научного издания. Подлинное содержание народной поэзии иногда сознательно искажалось при издании путем тенденциозного отбора и «исправления» материалов под влиянием реакционной, антидемократической идеологии.

Вредное влияние «официальной народности» явно сказалось, например, на изданиях царского чиновника И. М. Снегирева. На материалах по народной поэзии, опубликованных Далем, отразилась свойственная ему некоторая идеализация старины, патриархальности. Но особенно вредно повлияло на труды Даля грубое вмешательство царской цензуры, которое чрезвычайно сузило и исказило широкий показ подлинной народной поэзии, первоначально намеченный Далем в его сборнике «Пословицы русского народа». «Не знаю,— писал Даль,— в какой мере сборник мой мог бы быть вреден и опасен для других, но убеждаюсь, что он мог бы сделаться не безопасным для меня».

Фальсификация имела место и в изданиях И. П. Сахарова. Последний очень активно выступал против «исправления» народных песен. Он критиковал «поправки», сделанные предшествовавшими ему собирателями. Но вместе с тем он сам также приложил руку к текстам изданных им былин и сказок. При всей преувеличенности выдвинутых против И. П. Сахарова обвинений в фальсификаторстве нельзя не признать справедливыми предположения многих исследователей, что якобы найденная им «рукопись Бельского» в действительности не существовала. Сахаров никому не предъявлял ее, а он непременно сделал бы это, если бы ее имел. Несмотря на то, что к этой рукописи проявляли большой интерес многие фольклористы, она за сто с лишним лет после выхода «Сказаний русского народа» так никем и не была обнаружена.

Совершенно справедливо также разоблачение как подделки сахаровской сказки об Анкудине. Уже с первых слов в ней заметна явная и очень примитивная фальсификация. За сто с лишним лет после опубликования этой сказки не обнаружена не только сахаровская рукопись ее, но и какая-либо другая запись сказки с тем же героем.

Славянофилы постоянно заявляли о святости принципа точности в публикации произведений народной поэзии, но и в их собирательской и издательской деятельности сказывалось влияние крепостнического существа их идеологии. Они тоже «обрабатывали» собираемые материалы в соответствии со своими принципами вообще и своими взглядами на народную поэзию, в частности. Для славянофилов народная поэзия, находящаяся в современном живом бытовании, представляла интерес не сама по себе, а как материал, по которому можно «восстановить» черты русской народности, в подлинном виде существовавшей якобы лишь в древности.

Славянофилы тщательно скрывали тенденциозность своей деятельности. Они разработали якобы научный метод «обработки» собираемых материалов под видом «восстановления» подлинной народности. Весьма характерна в этом отношении деятельность П. В. Киреевского. Собрание народной поэзии он сопровождал большой «обработкой» ее. Более того, эта «обработка» представляла главное содержание всей его деятельности.

В чем же выражалась та «тщательная подготовка», без которой Киреевский не хотел издавать сосредоточившихся у него материалов и которая заняла 25 лет его деятельности и все же осталась незавершенной? Содержание ее сам Киреевский сохранял в тайне. Однако свидетельства, которые можно найти в статьях его ближайших помощников по подготовке собрания — П. И. Якушкина и П. А. Бессонова, позволяют раскрыть характер этой подготовки. Якушкин, сам испытывший в известной мере влияние славянофилов, в статье «Кое-что об изданиях Бессоновым народных стихов и песен» писал: «До самой смерти

Петра Висильевича (Киреевского. — Б. Б.) никто не знал, не исключая и самого Общества Любителей Российской Словесности, которому теперь поручено издание этого сборника, никто не знал, что Петр Висильевич не только записывал песни, но что он составлял их из многих вариантов»¹³.

Пресловутая «тщательная подготовка» П. В. Киреевским материалов к изданию представляла собой тенденциозную обработку этих материалов в духе славянофильской идеологии. Она проявилась не только в обработке песенных текстов, но также и в отборе определенных песен для публикации и в системе их публикации. В прямом соответствии со славянофильской концепцией «народности» Киреевский уделял главное внимание показу якобы свойственной русскому народу глубокой религиозности. Отсюда его преимущественный интерес к жанрам и произведениям, в которых отразилась эта «религиозность». Единственный изданный им сборник песен, выбранных из всего многотысячного репертуара, имевшегося в его распоряжении, был посвящен духовным стихам. Им Киреевский уделял главное свое внимание. Поискам их прежде всего была посвящена его собирательская деятельность. На первый план он ставил их и в своей работе по публикации песен. Об этом он неоднократно заявлял в своих письмах к Н. М. Языкову.

Влияние реакционной идеологии обусловило некоторую ограниченность содержания материалов, собранных и изданных в 30—40-е годы XIX в., и в отдельных случаях вызвало попытки прямой фальсификации народного творчества. Однако в массе своей записи и публикации 30—40-х годов имеют несомненное научное значение. Большую часть их составляют материалы, представляющие подлинную народную поэзию. Несмотря на гнет николаевской реакции и влияние крепостнической идеологии, в русской фольклористике все более и более крепились демократические тенденции; это вело не только к общему расширению деятельности по собиранию и изданию народной поэзии, но и к постепенному развитию и упрочению научных принципов в проведении ее.

В борьбе за научный характер собирательской деятельности выдающуюся роль сыграл В. Г. Белинский. Его глубокий патриотизм и демократизм обусловили его широкий интерес к народной поэзии. Она интересовала Белинского и своими достоинствами, и находимыми им в ней недостатками, свидетельствовавшими о выдающихся чертах русского народа и об ограниченности российской действительности. Все в ней — в этом, по выражению Белинского, зеркале идеалов и жизни народа — было для него важным и значительным. Однако Белинскому было в корне чуждо объективистское отношение к устному репертуару, которое позднее получило широкое распространение в буржуазно-либеральной фольклористике. Он решительно выступал против попыток представить в фольклорных изданиях в качестве народных такие произведения, которые хотя и получили некоторое распространение в устном бытовании или имеют формальное сходство с народными сказками и песнями, но по содержанию не характерны для народного творчества или вообще чужды народу.

Этими общими предпосылками и определяются основные высказывания Белинского о том, как надо собирать и издавать народную поэзию, и о достоинствах материалов того или иного сборника. Белинский особенно подчеркивал необходимость собирания народной поэзии в ее живом устном бытовании у народа. Именно и з у с т н а я з а п и с ь имеется в виду во всех вышеприведенных его высказываниях, направленных на общее развитие собирательской деятельности. На необходи-

¹³ П. И. Якушкин, Соч., СПб., 1884, стр. 662. — О том же писали Вс. Миллер и М. Н. Сперанский.

мость изустной записи Белинский неоднократно указывал в своих отзывах о достоинствах материалов, собранных и изданных тем или иным фольклористом. Такие указания встречаются у Белинского уже в самые ранние годы его деятельности. Так, в опубликованной в апрельском номере «Молвы» за 1835 г. рецензии на «Подробные сведения о Волжских калмыках, собранные И. Нефедьевым», он отметил как особое достоинство этой книги, что в основе ее лежат «собственные его наблюдения»¹⁴. В напечатанной в том же номере «Молвы» рецензии на «Конек-Горбунок» П. Ершова Белинский указывает, что народные произведения надо «списывать... под диктовку народа»¹⁵. Подобные высказывания и указания встречаются также и в ряде других рецензий Белинского, относящихся к 30-м годам, в частности, в рецензиях на сборники Б. Бронницына и М. Суханова, на сборник «Лекарство от задумчивости и бессонницы» и др.

Тридцатые годы, в особенности вторая половина их, были переломным периодом в развитии собирательской деятельности: в это время в русской фольклористике начинается преодоление прежней традиции составлять сборники народной поэзии прежде всего и главным образом на основе использования любительских песенников и перепечатки старых публикаций. Выступления Белинского за развитие изустной записи имеют историческое значение. Они связаны с этим переломным периодом в истории собирательской деятельности в России. Не случайно, что все эти выступления В. Г. Белинского относятся именно к 30-м годам. В 40-е годы, продолжая борьбу за всемерное развитие собирания народной поэзии, Белинский попрежнему постоянно имеет в виду развитие изустной записи. Но прямых выступлений в пользу ее у него уже нет, ибо изустная запись, производимая самими составителями сборников или другими лицами, уже в конце 30-х годов стала главным источником публикаций народной поэзии и была узаконена в русской фольклористике. Правда, и в дальнейшем перепечатка старых плохих публикаций и использование любительских записей продолжались. Однако это делается значительно реже.

Подчеркивая необходимость изустной записи народных произведений, Белинский с еще большей настойчивостью выступал за научную точность и этой записи, и публикации собранных материалов. Он решительно боролся против искажения народной поэзии, против любой, даже самой незначительной «обработки» и «переделки» ее. «Русская сказка,— писал он в 1836 г.,— имеет свой смысл, но только в таком виде, как создала ее народная фантазия, переделанная же или прикрашенная она не имеет решительно никакого смысла»¹⁶. Подобные выступления Белинского были направлены против тенденциозной обработки народных произведений в реакционном духе. Резкая критика «переделок», «обработок» и «подновлений» народных произведений встречается в большинстве тех рецензий и статей Белинского, в которых рассматриваются вопросы народного творчества. Она начинается в одной из ранних его рецензий (на «Конек-Горбунок» П. Ершова) и проводится им на протяжении всей деятельности. Против переделки, за точную запись и публикацию народной поэзии Белинский выступал и в последние годы своей жизни. «Другое дело — верно записанные под диктовку народа сказки: их собирайте и печатайте и за это вам спасибо», — писал он в 1847 г.¹⁷ Белинский очень высоко сценивал сборник Ф. Студитского «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний». В краткой рецензии на этот сборник Белинский считал необходимым

¹⁴ Том II, стр. 68.

¹⁵ Там же, стр. 71.

¹⁶ Там же, стр. 415.

¹⁷ Том X, стр. 465.

отметить прежде всего именно точность записей и публикации этих записей у составителя сборника. «Теперь скажем только,— писал он,— что, по всему видно, г. Студитский издал вологодские и олонечские песни без всяких изменений, сохранив все их народные отличия, что и необходимо в подобных изданиях»¹⁸. Белинский весьма положительно отзывался также о «Сказаниях русского народа» И. П. Сахарова, как о собрании подлинной народной поэзии. Такой отзыв соответствует основному содержанию сахаровского издания, выдающегося для того времени. Однако, указывая на достоинства «Сказаний», Белинский подметил и недостатки их. Он первый обнаружил и разоблачил отдельные проявления издательской недобросовестности Сахарова, в том числе недобросовестность, проявленную Сахаровым при использовании сборника Кирши Данилова. Белинский указал на родство большей части сказок Сахарова со стихотворениями сборника Кирши Данилова, «находящимися там под теми же заглавиями»¹⁹. Еще ранее, в 1839 г., Белинский разоблачил, как фальсифицированную, сказку о Василии Буслаевиче, опубликованную Сахаровым в альманахе Нестора Кукольника «Новогодник». «Василий Буслаевич,— писал он,— русская народная сказка, доставленная издателю альманаха г. Сахаровым, есть не что иное, как «Василий Буслаев», стихотворная поэма, находящаяся в древних российских стихотворениях, собранных Киршеем Даниловым и вторично изданных, в 1818 г., К. Калайдовичем. Г. Сахаров не говорит ни слова, откуда он взял эту сказку, и как будто совсем не знает, что она давно напечатана. Предлагает же он ее публике в прозе, а не в стихах, и, кроме того, с самыми незначительными отметинами, впрочем, не в пользу сказки. Странно!»²⁰

Белинский настойчиво рекомендовал Сахарову, «не мудрствуя лукаво», давать только факты. «Давайте нам материалов, фактов, больше фактов; критика не замедлит явиться, и тогда само собою обнаружится, кто прав, кто виноват — новая ли, все критикующая историческая школа (которой явно противоречат убеждения почтенного И. П. Сахарова), или старая, готовая верить на слово и летописи, и «Слову о Полку Игореве», и «Сказанию о Мамаевом побоище», и «Слову Даниила Заточника» и пр. и пр.»²¹

В той же статье о народной поэзии Белинский резко критиковал псевдонародные лубочные издания сказок: «Лубочные издания, коверкающие и смысл и выражение; собрания, изданные Друковцевым, Поповым, Чулковым, Тимофеевым и пр. и пр., не только не могут дать верного представления о подлинных народных сказках, но поведут к ложным заключениям и толкованиям о старинном языке, о древнем семейном быте русских и о всем, что только можно почерпнуть из сказок. Московские и петербургские типографии ежегодно в большом числе экземпляров оттискивают так называемые сказки. Эти жалкие книжонки, вместе с песенниками, помадой, икрой, сапогами, коленкором и солеными огурцами развозят бог знает в какие концы царства русского, куда не залетает, может быть, ни одна порядочная печатная книга, и, вероятно, находят себе усердных читателей. Но эти книжонки не только не полезны для просвещения любителя старины, даже решительно вредны, представляя дело совершенно в превратном виде»²².

В академической фольклористике вплоть до наших дней признается непогрешимым авторитет издания сказок Б. Бронницына²³. Между тем еще Белинский, отметив «немалые достоинства» этих сказок, указал

¹⁸ Том VI, стр. 353.

¹⁹ Там же, стр. 207.

²⁰ Том IV, стр. 236.

²¹ Том VI, стр. 203.

²² Там же, стр. 206—207.

²³ Русские народные сказки, собранные Богданом Бронницыным, СПб., 1838.

и на их значительные недостатки. «Г. Бронницын,— писал Белинский,— уверяет будто его сказки списаны со слов хожалого сказочника, крестьянина из подмосковной. Может быть, это и так было, только г. Бронницын, верно, записывал их после, и так как многое позабыл, то и переиначил»²⁴.

Выступления Белинского за публикацию подлинной народной поэзии имели значение не только для развития науки о народном творчестве, но и для развития самого народного творчества. В своих статьях и рецензиях он выступает как страстный борец против засорения народного творчества всяческими низкопробными, чуждыми народу произведениями. Особое значение имели его рецензии на различные «народные песенники», которыми в то время усиленно наводнялся российский книжный рынок.

В 1835 г. был издан «Полный и новейший песенник» в 13 частях И. Гурьянова, где были собраны разнохарактерные произведения: и стихотворения Жуковского, Хомякова, Б. Федорова, и мещанские романсы, и народные песни. Белинский откликнулся на его выход рецензией в «Молве»²⁵. Отметив разношерстность и бессистемность содержания песенника, Белинский резко критикует Гурьянова за искажение песен «пропусками и переправками своей фантазии и орфографическою безграмотностью»²⁶. Особенно резкой критике он подверг включение в песенник таких «народных песен», как «Мой друг, хранитель, ангел мой» (Жуковского), «Небо, дай мне длани» (Хомякова), «Светит месяц на кладбище» (Жуковского), «Саша, ангел, как не стыдно», «Пожалуйте, сударыня, сядьте со мной рядом», «Братья, рюмки наливайте» и т. д. В заключение своей рецензии Белинский писал: «Как ни неприятно, ни отвратительно рыться в подобном соре, но, положивши себе за непременную обязанность преследовать литературным судом литературные штуки всякого рода, обличать шарлатанство и бездарность, я почел долгом выставить перед глазами публики поступок г. Гурьянова»²⁷.

Суровым литературным судом своим преследовал Белинский и других издателей подобных песенников. Как и Гурьянова, он выставил на общественный позор составителя «Карманного песенника» (1838), скрывшегося за инициалами «М. С.», и другого «невидимку» «В. Т.», составившего «Народный русский песенник» (1833), а также составителя песенного «Альбома» штабс-капитана Милюкова (1842) и многих других авторов «проделок книжной спекуляции», «деятелей Макарьевской литературы».

Белинский боролся за научный характер собрания и издания народной поэзии не только в своих отдельных выступлениях. Всеми своими рецензиями и статьями по вопросам народной поэзии он направлял деятельность собирателей на широкий показ подлинного народного творчества. Его разоблачение лживости реакционных утверждений о якобы присущей русскому народу глубокой религиозности служило борьбе против увлечений собиранием духовных стихов и других материалов «духовного» характера. Его борьба против самодержавно-крепостнической идеологии имела огромное значение и для преодоления в собирательской практике тех вредных фальсификаторских тенденций, которые возникли под влиянием этой идеологии.

Белинский сыграл большую роль в развитии деятельности многих современных ему собирателей народной поэзии. Из приведенных выше материалов видно, что он внимательно следил за деятельностью Саха-

²⁴ Том III, стр. 452.

²⁵ «Молва», 1835, № 35.

²⁶ Том II, стр. 180.

²⁷ Там же.

рова и настойчиво добивался полного осуществления объявленной Сахаровым программы издания. Он постоянно направлял его деятельность, стараясь всемерно ограничить проявление в ней вредного влияния идеологии «официальной народности» и настаивая на точной публикации подлинной народной поэзии. Критику к публикациям Сахарова, а также к материалам ряда других собирателей Белинский дал в своих четырех специальных статьях о народной поэзии. Ожесточенные нападки либеральной и реакционной фольклористики, в особенности славянофилов, на деятельность Сахарова могут быть объяснены именно связью между «Сказаниями русского народа» и этими статьями Белинского. «Реакционные и либеральные критики Сахарова обычно «находили» у него фальсификацию там, где ее вовсе не было. В большинстве случаев их объяснения основывались на выявлении частных расхождений между текстами песен, опубликованных в «Сказаниях», и в «Песнях, собранных П. В. Киреевским». Но такие расхождения совершенно не свидетельствуют о фальсификации, а лишь обнаруживают разные варианты песен.

В сочинениях Сахарова иногда встречаются высказывания в духе «официальной народности», выражение верноподданнического отношения к царю. И это до некоторой степени отразилось на его собирательской работе, привело к тому, что в ряде случаев он действительно искажал и фальсифицировал публикуемые народные произведения. Но царистские иллюзии у Сахарова находились в противоречии с глубоким, искренним патриотизмом и страстной ненавистью к аристократам. Выходцу из семьи бедного тульского священника, с огромным трудом пробивавшему себе дорогу к образованию и общественной деятельности, человеку, необыкновенно трудолюбивому и деятельному, И. П. Сахарову были чужды и ненавистны всяческие проявления аристократизма. Нападки на «иноземные» идеи перерастали у него в разоблачение раболепия господствующих классов перед всем западноевропейским и в гневный протест против засилия «безродных бродяг» в государственной и общественной жизни России. Сахаров выступал против аристократизма в науке, критиковал стремление академической науки отгородиться от широких масс. С несколько наивной демонстративностью он напечатал в «Сказаниях» песни западных славян русскими буквами. «Предвижу наперед, — писал он, — что это будет для ученых очень неприятно. Точно, я сам вижу, что это будет не по их желанию; но, имея в виду основательные причины, предпочитаю общую пользу частной и даже мелочной. У нас на Руси из 50 миллионов читают заморскую грамоту едва ли 2 миллиона, а людей, сведущих в русской грамоте, примерно можно положить до 20 миллионов. Что же прикажете делать, гг. ученые, с этими 20 миллионами? Неужели им должно отказаться от чтения?»²⁸

Против ложного представления об изданных Сахаровым «Сказаниях русского народа», как о составленных в духе «официальной народности», достаточно может свидетельствовать уже тот факт, что именно за них он подвергся гонениям со стороны правящих кругов. В своих «Записках» он сообщал по поводу «Сказаний»: «Бедная книга! сколько она прошла мытарств, судов, пересудов, толков!»²⁹ В примечании к этим словам, опубликовавший эти записки П. Савваитов отметил: «Действительно, дело доходило до того, что Сахарову угрожали уже Соловками и беда уже висела над его головою».

²⁸ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым, т. I, СПб., 1841, стр. 71.

²⁹ «Русский архив», 1873, кн. I. «Записки о сочинениях и изданиях И. П. Сахарова, начиная с 1830 г.»

Основная масса материалов, опубликованных Сахаровым, имеет большой научный интерес. Сахаров напечатал в своих «Сказаниях» песни о Степане Разине. Реакционная фольклористика, борясь с популярностью образа этого народного героя, именovala его «Стенькой» и «разбойником», а песни о нем, так же как и о Пугачеве, называла «разбойничьими». Характерно, что у Сахарова сохранено имя «Степан», а песни о нем названы «удальими». Эти песни в корне противоречили всему духу «официальной народности». В одной из них Степан Разин и Илья Муромец, как два брата, выступают против орла. В другой песне говорится о борьбе донских казаков с астраханским воеводой и об их победе над ним. Сахаров опубликовал в разделе «удалых песен» также песню об одном из известных вождей казачьего восстания — Некрасове. Эти песни были встречены с особой неприязнью славянофилами и либералами. Славянофил Бессонов, установив разницу между песней о Степане Разине и Илье Муромце и вариантом, опубликованным в собрании Киреевского, без всяких иных обоснований объявил ее сочиненной самим Сахаровым³⁰. В этом с ним полностью согласились либерально-буржуазные литературоведы А. Н. Пыпин и С. А. Венгеров. Деятель «молодой редакции» «Москвитянина» Аполлон Григорьев был особенно недоволен тем, что Сахаров назвал «разбойничьи» песни удалыми, а также тем, что он ввел наименование — «сатирические» народные песни³¹.

Уже из приведенных материалов видно, что установившееся в академической фольклористике резко отрицательное отношение к материалам И. П. Сахарова имеет своим истоком реакционную славянофильскую критику, вызванную не действительными недостатками его изданий, а опубликованием материалов, имеющих демократическую направленность. Однако главный смысл этой критики заключался в борьбе против того влияния, которое имели в русской фольклористике 50—60-х годов статьи Белинского. Как уже отмечалось выше, четыре специальные статьи Белинского о народной поэзии были основаны (наряду с материалами К. Данилова и Суханова) на материалах Сахарова. Славянофильская критика материалов Сахарова была вместе с тем критикой, направленной против статей Белинского.

Либерально-буржуазные историографы совершенно замалчивали в своих обзорах истории русской фольклористики деятельность Ф. Д. Студитского.

Федор Дмитриевич Студитский был одним из тех многих незаметных разночинцев 30—40-х годов, которые в условиях николаевской реакции, воодушевляемые страстными призывами Белинского, трудились над просвещением русского народа. Как и Белинский, Студитский некоторое время работал учителем, а затем полностью перешел к литературной деятельности. В эпоху, когда народное образование в России почти целиком сводилось к изучению «закона божьего», он в редактируемой им газете «Мирское слово», вслед за Белинским, боролся за реальное и всестороннее образование. Он издал несколько популярных книг по географии, русскому языку и истории. Его книгу для детского чтения «Путешествие вокруг света» (1846) Белинский отметил, как «хорошо написанную и очень полезную для детей»³². Положительной рецензией Белинского была отмечена также его «История для детей»³³. Студитскому принадлежит изобретение «передвижной азбуки»³⁴.

³⁰ Песни, собр. П. В. Киреевским, вып. 7, стр. 146—147.

³¹ «Москвитянин», 1854, № 15, стр. 95.

³² Том X, стр. 130.

³³ Том XII, стр. 527—528.

³⁴ В истории русской педагогики имя Ф. Студитского также замалчивалось реакционными и либеральными историографами. Не упоминается оно до сих пор и в

Ф. Д. Студитский является одним из самых выдающихся собирателей в истории русской фольклористики. Собираением народных песен он начал заниматься еще в 30-е годы в Новгородской губ. К сожалению, собранные им там материалы не были опубликованы. Видимо, они не сохранились. В 1841 г., после поездки в Вологодскую и Олонецкую губернии, Студитский опубликовал пять народных песен в «Отечественных записках» и издал сборник «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний». Этот сборник до сих пор может служить одним из образцов научной публикации подлинно народных песен, записанных с исключительной точностью. Студитский первый в истории русской фольклористики издал сборник, целиком составленный из материалов, записанных самим составителем. Большим достоинством его сборника является и то, что в нем при публикации народных песен раскрывается и обстановка, в которой они были записаны, дается описание хороводных игр, в которых они исполнялись.

Как и в своей педагогической деятельности, так и в собирательской практике Студитский испытал сильное влияние Белинского. Характерно, что первую публикацию песен Студитский сделал в «Отечественных записках». В письме к редактору «Отечественных записок» Студитский писал, что, увидев то радушие, с каким журнал (в лице Белинского.— Б. Б.) приветствовал собрание «Песен русского народа» Сахарова, он счел «обязанностью послать несколько (песен)» для опубликования в журнале³⁵. Все письмо Студитского является откликом на те идеи, практические советы и указания, с которыми Белинский обращался к собирателям народной поэзии. Студитский обнаруживает глубокое понимание принципов, пропагандируемых Белинским.

Из всех собирателей народной поэзии в 30—40-е годы Ф. Д. Студитский был наиболее близок к Белинскому как по своим общественно-политическим воззрениям, так и по своим взглядам на народную поэзию. Собирательская деятельность Студитского была практической реализацией теоретических высказываний Белинского.

Значительную роль в деле собирания и издания народной поэзии сыграли журналы, в которых сотрудничал Белинский. Постепенно эти журналы устанавливали все более и более тесную связь с собирателями народной поэзии, проводившими свою работу в различных концах России. В этих журналах давалась информация о готовящихся фольклорных изданиях и систематически рецензировались издания, уже вышедшие в свет. Все это делалось главным образом самим Белинским. В этих журналах часто публиковались письма, статьи, заметки и материалы, присылаемые собирателями и исследователями народной поэзии. Публикация подобных материалов особенно часто практиковалась в «Отечественных записках», главным образом в период работы Белинского над статьями о народной поэзии. В это время «Отечественные записки» становятся одним из организующих центров собирательской работы. В этом журнале были опубликованы записи материалов, присланные П. М. Языковым, Ф. Студитским, Л. Боровниковским, Иакинфом (Бичуриным), Ф. Евецким, А. Козловским, А. Мордвиновым, И. Борисовым и др. При тех трудностях, с которыми было связано в то время издание народной поэзии, публикация материалов на страницах «Отечественных записок» имела особое значение.

В этом же журнале иногда публиковались материалы, заимствованные из других печатных источников. Однако главным источником для публикации народных произведений было непосредственное собирание их в живом устном бытовании, проводившееся лицами, проживавшими

советских курсах, в частности в «Истории педагогики» проф. Е. Н. Медынского (М., 1947).

³⁵ «Отечественные записки», т. XVI, 1841, стр. 55.

в различных концах страны и имевшими возможность на месте широко знакомиться с жизнью и культурой народных масс.

Как ранее «Телескоп» и «Молва», так затем и «Отечественные записки» печатали на своих страницах главным образом материалы, собранные разночинцами: провинциальными чиновниками, учителями, купцами и т. п. Некоторые из них систематически, на протяжении нескольких лет, собирали народную поэзию и наблюдали за ее бытованием. Полтавчанин Л. Боровниковский писал, что он занимался «постоянно несколько лет собиранием всего, что выражает характер, язык, быт, понятия и суеверия малороссиян»³⁶. Симбирский собиратель, подписавшийся инициалами В. Б., в своем письме в редакцию указал, что ему по роду службы приходится много разъезжать и знакомиться с бытом простого народа в разных губерниях. «Я успеваю,— писал он,— записывать все то, что мне кажется замечательным, и, таким образом, в течение нескольких месяцев собрал в одну тетрадь довольно любопытных заметок и наблюдений»³⁷.

Развитие собирательской работы в 30—40-е годы в немалой степени было связано с приходом в это время в общественную деятельность разночинцев. Сахаров — врач почтового департамента, Студитский — учитель гимназии, Максимович — ботаник, Суханов — архангельский крестьянин-самоучка, Борисов — архангельский купец, Полевой — сын купца и сам купец, Венелин — врач, Срезневский — сын профессора Харьковского университета, Снегирев — сын профессора Московского университета, Даль — сын военного врача, Нефедьев — чиновник, Кольцов — сын торговца скотом. Перечисление разночинцев, занимавшихся собиранием народной поэзии и этнографическими исследованиями в России 30—40-х годов, можно было бы еще значительно продолжать.

К разночинцам прежде всего и обращал свои призывы Белинский с самого начала своей деятельности. Еще в рецензии на книгу И. Нефедьева в 1835 г. Белинский писал: «Дай бог, чтобы он как можно более нашел себе подражателей, особенно между чиновниками, которые по занимаемым ими местам имеют средства доставить сведения, которые с таким трудом достаются частным читателям»³⁸. Журналы, в которых сотрудничал Белинский, публикуя материалы по народной поэзии, тем самым оказывали большую поддержку собирателям-разночинцам и способствовали развитию их деятельности.

В 1840 г. один неизвестный собиратель писал в редакцию «Отечественных записок»: «Несколько раз в вашем журнале были помещены народные русские песни, причем вы изъявляли готовность помещать и другие, которые вам будут доставляемы. Радуюсь столь достойному и счастливому направлению этого журнала³⁹, где находит себе место все дорогое русскому сердцу, я беру на себя смелость представить вам некоторые из собранных мною песен. Если вы поместите их в вашем журнале, буду иметь удовольствие доставить вам несколько сотен таких же. Утешительно думать, что «Отечественные записки» послужат обильным источником для будущего песнесобира-теля»⁴⁰.

Своим, отмеченным в этом письме «достойным и счастливым направлением» «Отечественные записки» были обязаны Белинскому, роль которого в журнале хорошо известна. Учитывая, какое внимание Бе-

³⁶ «Отечественные записки», 1840, т. VIII, стр. 42.

³⁷ Там же, т. IX, стр. 28—29.

³⁸ Том II, стр. 69.

³⁹ Подчеркнуто мной.— Б. Б.

⁴⁰ «Отечественные записки», т. IX, стр. 126. Вместе с письмом в этом номере журнала опубликованы 15 свадебных и хороводных песен с описанием игр, в которых они исполнялись.

линский уделял вопросам народного творчества вообще и вопросам собирания народных произведений в частности, естественно предположить, что именно он, если не всегда, то по крайней мере в большинстве случаев занимался в редакции публикацией этих произведений.

Белинский не только готовил публикацию присылавшихся в редакцию материалов народной поэзии, но и явно заботился о том, чтобы этих материалов присылалось возможно больше и чтобы они были высокого качества. Так, например, в письме к А. П. Ефремову от 23 августа 1840 г., прося присылать в журнал «новостей ученых, художественных и литературных», он особо обратил внимание своего корреспондента на народные произведения: «Нет ли хороших сказок — пожалуйста»⁴¹.

*

Фольклористика, как и всякая другая общественная наука, всегда отражала классовую борьбу. Рассмотренные материалы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что с первых же этапов своего развития собирание и издание народной поэзии также были одним из участков общественно-политической и идейной борьбы.

Формирование научных принципов русской фольклористики было неразрывно связано с передовыми, демократическими идеями. В собирании и издании народной поэзии в России 30—40-х годов XIX в. выдающуюся роль сыграл великий русский революционный демократ В. Г. Белинский. Подходя к решению вопросов народного творчества с позиций подлинно демократического мировоззрения и обобщая опыт русских фольклористов-собираателей, он заложил основы научной теории собирания и издания народной поэзии.

Деятельность Белинского и ее огромное общественное влияние имели очень важное значение для достижения русскими фольклористами-собираателями тех замечательных успехов, которыми с полным правом может гордиться наша отечественная наука о народном творчестве. Борясь за последовательное осуществление принципа собирания подлинной народной поэзии в ее живом устном бытовании, Белинский положил начало борьбе русских революционных демократов за научное собирание народного творчества. Вместе с тем он явился здесь предшественником одного из основоположников советской фольклористики — А. М. Горького.

⁴¹ Письма, т. II, стр. 153.